56

вами тирану в ~~т.е., какъ только мы „возвысимся"~~ этѣ и знать какъ помимо „возвыситься" надъ эмпирей) фон онтологическое доказательство бытія Божія сравнивается по своей принуждающей силѣ съ доказательствами, которыя располагаютъ положительныя науки. Мы попадаемъ въ область извѣстной подводности, гдѣ никто и ничто не можетъ препятствовать развитію и развертыванію самодѣятельности духа, въ ту область, гдѣ жили и живутъ „всеобщія и необходимыя" истины. Тамъ и только тамъ дѣйствительное становится разумнымъ, и разумное — дѣйствительнымъ. Тамъ обитаетъ „метафизика", которой наше мышленіе „сравняло пути", собравшись въ нимъ все, что можно мѣрить на поступательному шествію. Духъ, отрѣшившись на себя, осознавъ себя и осознавши себя, слился во сфено, претворился самъ, пресуществился въ ту „подводность", которая породила „мышленіе" и приучила его служить себѣ. Дѣло εἶναι καὶ νοεῖν получило свое окончательное истолкованіе: εἶναι не смѣет почти переливаться за νοεῖν: все, что не воспринимается мышленіемъ устраняется какъ несуществующее. И никто не сомнѣвается больше, что такое „рассужденіе истины" есть „свободное изслѣдованіе", что сущность „свободнаго" изслѣдованія лежитъ въ готовности повиноваться (ратѣе), въ готовности подчиниться принужденію (ἀναγκάζεσθαι), и что въ фиѣсѣ (ἐξ ἴδιας βουλήσεως), скрывается произволъ отсѣчь всякой мысли, какъ и въ эмпирической личности, — ~~въ видѣ~~ тайнаго отвращенія Sehnsucht, начало всякаго зла. Дуализмъ Платона, до конца

верхнего черновой вариант схов Парм

осуществляется за вѣчная цѣль „знанія" тамъ

наконецъ не смѣет

отъ произвола родившейся

жизни не умѣвшаго и не хотѣвшаго порвать съ „миѳологией" нами уже отмѣчается по преодолѣнь. Мышленіе ~~имѣть того, что~~ хотѣть быть begrifflich verständig — что умѣть дѣлается въ двумѣрную плоскость понятнаго и объяснимаго. Сказано быть и бытіе не должно имѣть третьяго измѣренія. Путь отъ третьяго измѣренія ведетъ къ вѣчной тайнѣ „ожиданнаго", „нагроднаго", „произвольнаго", „непокорнаго", всего, что не выносить ~~допускать~~ и не терпитъ ~~терпитъ~~ не только предвидѣнія, но даже и „пониманія". Познаніе есть, мы помнимъ Beginning, отгадка, опосредствованіе. Но, достигнувъ отгадки и „тайна" становится „явнымъ", человѣкъ превращается въ одаренный сознаніемъ камень, а истина — въ необходимое и всеобщее существованіе. Теперь, да и всѣмъ нашимъ казалось, что только тогда мы и получаемъ постѣпную, истощаемую секую истину, когда мы отгадаемъ и превратимъ въ часть Vorstellungen въ Begriffen. Spinoza уже учитъ — non videre, non audere, neque detestari, sed intelligere. Нашъ считаетъ, что через deus et machina въ міръ входитъ все, что можетъ быть наиболѣе вопіющее нелѣпаго. Но Platon, повторяю, не болѣе миѳовъ. Приходитъ говорить о свободѣ, которая получается бы предположить (т.е. о Deus ex machina или, еще хуже, при тертуліановскомъ certum est quia impossibile), а Паскаль, еще до Кьеркегарда, Достоевскаго и Ницше фисолъ: de Harpagone

диссенъ фіксенъ ex definiant. Гдѣ же, наконецъ, ~~искать~~ источникъ послѣдней, метафизической истины? Какъ ее искать? Гдѣ ея критерій? Кого спросить, къ кому обратиться? И, ~~наконецъ~~ послѣдній вопросъ; уже даже не вопросъ, а что то только по виду вопросъ напоминающее: да не пора-ли перестать спрашивать, не есть ли въ самомъ вопрошаніи, и въ томъ „знаніи", къ которому вопрошаніе приводитъ, отнятъ отъ драгоцѣннѣйшаго дара божьяго — отъ свободы? Не пропускаемъ ли мы черезъ свои вопрошанія въ нашу душу, нашего злѣйшаго и непримиримѣйшаго врага, о которомъ мы у насъ въ время рѣчь — Ἀνάγκη, Ἀνάγκη, которая не слушаетъ и не слушаетъ убѣжденій, для которой существуетъ только βία, — сила насилія. „Что мы можемъ знать? спрашиваетъ Кантъ. Но въ душѣ созрѣло совсѣмъ что-то иное. Точно ли намъ нужно „знаніе"? Еще Николай Кузанскій не ~~знавалъ~~ помнилъ, что въ Библіи сказано было о „мудрости Божіей". Но онъ забылъ, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божіей. Этой человѣку дано было право не знать, а творить истину. Ἀνάγκη, говоря съ Плотиномъ, „пришла послѣ" и ~~заслонила~~ засыпала предъ собой внутренній источникъ истины. Чтобы снова открыть этотъ источникъ, нужно преодолѣть Ἀνάγκη и давящій „всеобщій и необходимый законъ", нужно почувствовать вновь въ своей душѣ державное право ἄρχειν, ἀρχῆν, безначальности. „Сужденіе" не потому истинно, что къ нему принуждаетъ человѣкъ

предохраняетъ

новое Adaequatio rei et intellectus.

а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь, отъ бытія

заслонила.

сила. Наоборотъ, „сильный человѣкъ свободно судитъ и потому, что онъ свободенъ — оно силенъ, а потому что онъ силенъ и творчески одаренъ, далее „стѣна", казавшаяся навлекки непобѣдимой, начинаетъ колебаться. Можетъ она по прежнему равнодушна ко всѣмъ чіdече, видече et dеtеstаті. Но далее законъ противорѣчія, о которомъ тоже, какъ о стѣнѣ можно сказать, что онъ le dуеldі-
пеsеlоr ёіtаі терпитъ свою каменную не-
безразличие подвижность. А вслѣдъ за нимъ и другіе законы ~~теряютъ~~ утрачиваютъ ~~свою~~ заимствованную силу и уступаютъ даже предъ ~~такими~~ самими опороченными выраженіями, ~~надъ очуитеіта ad homінет.~~ эмпирической личности. „Мышленіе" человѣческое вобрало въ себя всѣ отверстія дѣлается и преобрѣло недужанную potestas audendi — не усваивать, а творить истины. Нечто и говорить, что сотворенныя истины не мало не похожи на истины навязанныя, надъ и „логики" метафизическаго мышленія нисколько не потеряли на арчитотелевскую или теологическую логику. На нашихъ глазахъ происходитъ чудо великаго преображенія: „первые становятся послѣдними, послѣдніе первыми. {День ст. тоскіна возстановляется въ своихъ}. Вѣчныя истины теряютъ свои обаяніе и державшуюся на этомъ обаяніи власть надъ людьми и ~~не только~~ надъ людьми, ~~но и~~ надъ вселенной. Ничего не слушающаяся необходимость превращается въ призракъ. ~~Бывшее~~,

~~новость~~ День и ночь оказываются не ничтожностью, а величайшей реальностью. А то его „произвольной воли бывшее, когда остается бывшим, когда становится не бывшим? бешеную собаку отравили и отравили навсегда, а Сократа никогда не от]. И закон противоречия перестает быть законом, а становится условным: приглядывать печать ~~[illegible]~~ бывшести на существенности Сократа никогда не отравили, вопреки всем свидетельствам истории. И не в ослабленном смысле, в каком Гегель говорил о том, что однажды бывшее может стать небывшим, не „в духе" осуществлять День и ночь свои новые права — для Гегеля, точно „действительность" была предельной возможности — бы не умеет вразумить Сократа — который ~~для~~ от действительности и был так мало защищен, как и бешеная собака — и притворялся, что никому, ни кого другому этого случая и опыта чьего отбивать Сократа или требовать от кого-то, чтобы Сократ имел какой нибудь привилегии предъ бешеной собакой, что действительное разумно — а стало быть, можно отравить собаку, а можно отравить и Сократа: и то и другое равно хорошо, и спорить тут не приходится. Наоборот, нужно соглашаться, даже радостно принимать, как учили Клеанф и Семена: тогда никто, ни даже та сама не заметит твоего бессилия и твоего ничтожества и ты всем будешь казаться таким же всемогущим, как и сам всесовершенного существа, лежащего выше

ни чудо, ни обман

и, чтобы не обнаружить своего бессилия говорить что чудо сообразного бо[illegible]

ибо было бы насилием над духом.

основъ онтологическаго доказательства бытія Божія. ~~Вещь это~~ Всесовершенное существо даже не можетъ превратить вещь въ ничто, оно только можетъ двигаться по не имъ продуманнымъ законамъ своей природы — и все таки оно всесовершенное существо. Какъ тѣмъ ~~болѣе~~ менѣе конечный человѣкъ, которому помрачается умъ въ виду его конечности, не очень запоситься — какъ можетъ онъ даже мечтать о власти надъ дѣйствительностью? Его первая, его святая обязанность прежде всего въ томъ, чтобъ принять дѣйствительность, до и полюбить ея. Пусть себѣ Достоевскій сколько угодно разночитъ свои сарказмы: въ истинномъ же вопросѣ не стоило должно отбросить что-нибудь успокаивающее, даже мистическое, ту вѣчную истину, какой она была еще до сотворенія міра и какой она въ своемъ ничѣмъ не прикрытомъ видѣ обнаружится предъ мятущимъ духомъ Страхи Кирегаарда, воля къ власти Ницше — все это должно быть съ корнемъ вырвано изъ человѣческой души, какъ „онтологическое" (въ кант. смыслѣ), чувственное, конечное, преходящее и удѣлить мѣсто „чисто мощленію". Какъ вотъ не въ человѣческомъ смыслѣ, не въ „духѣ" однажды бывшее становится не бывшимъ, а въ нашемъ дѣйствительномъ реальномъ мірѣ. И въ томъ же реальномъ мірѣ законъ противорѣчія получаетъ иное назначеніе, чѣмъ то, которое

ему определено въ аристотелевской логикѣ. Дѣйствительность перестаетъ быть разумной, она становится нестерпимо чудовищной, въ гораздо большей степени нелѣпой, чѣмъ былъ для Канта день съ тремя. И нелѣпѣе всего представляется тѣ вѣчныя истины и тѣмъ голодовавшій „долгъ", на которомъ молились ~~филосо~~ имъ идеалисты ~~фил~~. „Эмпирическая личность", просунувшаяся отъ своего тысячелѣтняго оцѣпенѣнія, отъ своей цепенѣющей, мистической вѣры во всепокоряющую „необходимость" дѣлаетъ нечеловѣческія усилія, чтобъ отвалить отъ источника жизни тѣ обломки камня, которыми исторія завалила его. ~~Вся~~ Она тоже не поддается убѣжденіямъ, исходящимъ отъ самаго авторитетнаго людей. Она не слушаетъ и доказательствъ, коль бы убѣдительны они ни казались. И уже ни въ какомъ случаѣ не согласится повѣсить „метафизику" на судѣ „положительныхъ наукъ"! Наоборотъ, она зоветъ положительныя науки на судъ метафизики. „Королевскій путь", „вѣрный путь", которыми похваляется наука не соблазняетъ ее нисколько. Королевскій путь привыкъ къ тому, что великій Парменидъ описывался ἀγαθὸς τοῦ κυνός, а лучшій изъ людей, мудрѣйшій изъ людей сравненъ съ бѣшеной собакой. Науки осудили метафизику за то, что она разрушала себѣ произволъ. Но, развѣ какой угодно произволъ не „лучше", чѣмъ тѣ вѣчные законы, которые принесла человѣчеству ~~наука~~ сама „мышленіе"? Или, развѣ самая косная матерія можетъ сравниться своей тя-

жествію съ дѣтскимъ духомъ"? Мы опять
какъ уже столько разъ, приведены къ вопросу
не „лучше" и не „хуже" — какъ въ Ма-
тоновскомъ Федонѣ Сократъ, обсудивши
Анаксагора. Что лучше — необходимость или
произволъ? У насъ есть всѣ основанія ненавидѣть
произволъ и бояться его. Объ томъ
распространяться нѣтъ ~~надобности~~ нужды: въ
~~нашемъ~~ эмпирическомъ мірѣ, произволъ
есть самое страшное и отвратительное, что бываетъ. Но вѣдь,
у насъ рѣчь идетъ не о нашемъ эмпири-
ческомъ мірѣ. Когда Кантъ звалъ метафи-
зику на судъ положительныхъ наукъ,
онъ тѣмъ отъ нея отвѣтовъ не ни-
то, какъ устроенъ міръ эмпирическій, а
что, что можно найти въ мірѣ сверхэм-
пирическомъ. Объ эмпирическомъ мірѣ
есть кому подумать и безъ метафизи-
ки. Но, если метафизика должна
вѣсить въ моемъ мірѣ чѣмъ тамъ, въ ко-
торомъ мы живемъ — то, по какому праву
мы тащимъ туда съ собой „необходимость"
и вмѣстѣ съ ней всѣ тѣ страхи, кото-
рыя въ нашемъ мірѣ породила необходи-
мость? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, точно, и хочу пользу безъ
оглядки рѣшать: вездѣ и всюду подстерегаютъ насъ бѣды. Жить приходится не
какъ хочется, а какъ можется. Но „тамъ"
откуда мы взяли, что и тамъ все такъ
скудно, бѣдно, связано и ограничено какъ здѣсь?
Допустите на минуту — что тамъ нашихъ

ограниченностей нѣтъ, что тамъ нѣтъ нашей
тѣсности и нашего безсилія — и всѣ настоящія
построенія окажутся не пустыми. Метафизика
вовсе не ищетъ всеобщихъ и обязательныхъ суждеиій,
она ихъ оставила всѣ до одного положительнымъ
наукамъ, вмѣстѣ съ тѣми ограниченіями, кото-
рыя „дѣлаютъ возможными" науки. Метафизика
~~даже~~ не спрашиваетъ есть ли свобода, метафизика
вообще перестала спрашивать, она почувствовала,
что спрашивать не надо, что можно идти впередъ
не спрашивая. Спрашивали, до тѣхъ поръ, пока
боялись, пока испытывали опасеиія, что отрѣжутъ
~~у[illegible]~~ что отнимутъ, обидятъ и т. д. но, будучи
v ἀτραπτον, meditatio mortis научило человѣка
„не бояться" и не оглядываться. Или иначе: не
научило человѣка, а ослабило, довело до нуля
дѣйствующія силы страховъ, сдѣлало то, что
не человѣкъ боится страховъ, а страхи бѣгутъ
отъ человѣка, потерявъ надежду по безмощ-
ность настигнуть его. А вмѣстѣ со страхами
и всѣ „доказательства" ~~потеряли~~ потеряли свою прину-
дительную власть, ибо, вѣдь, только на страхахъ и
опасеиіяхъ доказательства держались. Истина
{можно было} принуждала Истина ~~Парменида?~~ будила Парменида, пока онъ ~~слушался~~ былъ
сосудомъ, пока онъ {слушалъ ее} онъ думалъ,
что есть грозная сила надъ нимъ, но, что
можетъ грозить умирающему? Все грозное ос-
талось позади и, если имѣть твердость не
оглядываться назадъ, не поворачивать головы
то и истина станетъ не такой, какой мы нас

2

обернуть на вид-
ную

принудительность

привыкли себѣ представлять все. Всѣ вопросы отпадаютъ. И прежде всего вопросъ: что мы можемъ знать. Знаніе было нужно и вопросы о предѣлахъ возможнаго знанія имали смыслъ и значеніе пока человѣкъ взвѣшивалъ необходимость, которая выяснилась слушать его. Но тогда же приходилось спрашивать, что мы должны дѣлать, ибо ограничивающее насъ знаніе впередъ уже опредѣляло и направляло нашу волю. Превратить во статую живого человѣка нельзя, значитъ Пигмальонъ, простирая къ богамъ со своими просьбами, дѣлалъ не то, что онъ долженъ былъ дѣлать. Нельзя также, чтобъ по слову человѣка Иисуса вода „стала виномъ", значитъ мы не „должны вступить въ Нашу Галилейскую считать вомъ". Нельзя есть лично разрѣшенъ, которая открыло намъ „знаніе" — стало быть можно „надѣяться" только на то, что мы сами умѣемъ сдѣлать. Пока, говорю, спрашиваемъ, пока мы оглядываемся — выходящіе за предѣлы кантовско-гегелевскихъ спекуляцій являются предѣлами достижимыми для нашего человѣческаго ихъ исканія. и методологическая невозможность или то, что методологической называлось было только суррогатомъ или подмѣной подъ метафизику или отказомъ отъ методологіи. Въ ~~настоящ~~ у нашихъ дней истинъ видѣть лишь выходящее изъ того или взятъ надъ тѣмъ,

и видѣть въ интеллектуальной добросовѣстности первую и основную

Ну все прямо дерзнуть, чтобъ связанной Гармониды, отъ сваге el dislinde, оглядываешься
стрелъ Гармониды, ὑπὲρ ἐξόον ἔχον.
что мы называемъ обычно мышленіемъ, ~~и то~~
отъ рочче-кривче, **XIV** не спутать ἀράχνη, а сплошь ἐξ ὑφαντοῦ
мы ἀράχνη — ἐν ἐνυφαντῷ
в ничной тайнѣ ἐξ ὑφαντοῦ.

Соотвѣтственно этому, „критерій" методологической истины уже никакъ не можетъ быть adaequatio rei et intellectus. Да нуженъ ли для метафизики „критерій", нужна ли проверка? Мысли Бога, говорилъ Николай Кузанскій, есть мысли творческія: мысль человѣка, зачерпнувшаго изъ метафизическаго источника, убѣдляются божіимъ мнѣніемъ. Нѣтъ ничего необходимаго, нѣтъ и ничего невозможнаго. И не страшно, что нѣтъ ничего невозможнаго и ничего необходимаго, хотя отъ досады порой мы не рѣшились подняться надъ плоскостью мышленія, кажется, что страшнѣе всего отсутствіе идей необходимаго и невозможнаго, ибо это равносильно отсутствію произвола того, что мы называли прочнымъ порядкомъ. Какъ ~~вѣдь и за~~ того вооружился на метафизику, что увидѣлъ въ ней столь нужнаго произвола. Дѣлать затѣмъ создалъ свою метафизику, чтобъ разъ навсегда и окончательно изгнать изъ міра произволъ, которому ~~назвался не менѣе страшнымъ~~ сколь не менѣе страшнымъ, чѣмъ Кантъ. Аристотель не могъ простить Платону его ἐξ ὑφαντοῦ. Вся исторія философіи есть какъ бы непрерывная борьба съ рутинной простой произволомъ. Всякая ~~страшна~~ умная не какъ произволъ. Даже „стѣна" Достоевскаго или аристотелевская необходимость лучше. Въ ~~ней~~ нѣтъ что-то успокаивающее и долго не соглашается. Пон

Πάντα δοκεῖ ἐξόον — но все нужно дерзнуть, и не складывать рукъ, пока не дойдемъ чужого дерзнуть на послѣднее „бесстрашіе безоружнымъ, съ голыми (ὀστέϊνα) руками идти противъ ἀράχνη, которая съ ногъ до головы вооружена доказательствами и самоочевидностями. Тогда, только тогда откроется особое ἐξ ὑφαντοῦ и связанной Гармониды (Гармониды ἀράχνη обыкновенному объяснителю представляется самымъ страшнымъ, онъ видитъ въ этомъ потерю всего (φόβος ἐξ ὀδόντων ἔχει) сбросить съ себя выковыченное оно, стать свободнымъ Гармонидомъ и причастить метафизической исцѣлѣ. Согласны люди принять такую борьбу? Идти за такой Гнозъ глубинъ бытія метафизикой? Думаю, что одни согласятся, другіе не согласятся. Пон

Но, можетъ быть способа правъ былъ Кальвинъ поп pari conditione creantur omnes. Alii vita aeterna, alii damnatio aeterna praeordinatur. Кто предназначенъ къ damnatio aeterna, тотъ весь другимъ несовершенно, выработавшимся возможности другому, ~~сдѣлать~~ представить нашего сознанія того ~~нетлѣна, даже лента~~ ~~орнь~~ е и другому будетъ для нашего ~~нетлѣнія~~ нашего и блага и мышленія всѣхъ исчезнетъ какъ положительныхъ, так и на всегда отрицаетъ его мышленіе и метафизическихъ, хотя. Но для тѣхъ vita aeterna — для того принуждающая истина ~~во~~ будетъ казаться и на вождеіемъ, отъ которой ~~спасение~~ ~~отъ~~ которой онъ будетъ ~~рвать~~ рвать ἐν τῇ ἑνῇ βουλήσει. чего мышленіе: ~~нетлѣнномъ~~ нетлѣнномъ и нагаломъ его блага его мышленіе будетъ τῇ ἑνῇ βουλήσει, что, не можетъ и не должно быть ни знанія ни чего не знающаго и не желающаго знать, ни жалости, ни отчетливости и живущаго въ вѣчной, первозданной тайнѣ. Или, πάντα δὲ βουλήσεον: нетлѣнномъ

мистическое. ~~Но~~ Но знаю, что ~~сомнѣ~~ ~~ли~~ ~~возможно~~ ~~убѣдить~~ убѣдить людей, что тамъ пугающимъ произволъ есть та свобода, которая одна только истина, которая относится безъ скептическихъ сомнѣній къ рѣчи, безъ моральныхъ санкцій и повелѣваетъ дите надъ самоочевидностями. Въ началѣ было дивче, ἐν τῇ βουλήσει, въ началѣ и безсмертные боги и смертные люди были жалкими міроздаліе — законъ пришелъ послѣ, вслѣдъ за необходимостью" и вмѣстѣ съ необходимостью провозгласилъ „вѣчный порядокъ" держащійся на повиновеніи, но представляющійся дерзкому, ограниченному сознанію прекраснымъ и навсегда непримѣнимымъ, если намъ дано стряхнуть съ себя наважденіе, вернуться къ началу, къ началамъ — что прежде всего „проснуться", вспомнить хотя бы въ снѣ о томъ, что было когда-то, надо всѣмъ существомъ своимъ почувствовать, что acquiescentia in se ipso, ~~рождающаяся из~~ quae ex ratione oritur, и вообще всѣ тѣ мнѣнія, которыя рождаетъ нашъ разумъ за какой то чертой становятся самыми злыми и непримиримыми врагами человѣчества. Родственной! Достоевскаго, съ „необходимостью" другого нѣтъ и не можетъ быть мира — даже если бы всѣ самоочевидности свидѣтельствовали, что онъ непреоборима. Миръ людямъ принесетъ только послѣдній

ничѣмъ уже не обременной

произволъ, и метафизика, столь лишь дошедшая
~~искать~~ нести не успокоенія въ данномъ и на данномъ,
а тревогу и безпокойство, не сонъ, но пробужденіе
и свои задачи связывать съ тѣмъ, что для
спящихъ и успокоенныхъ людей кажется наи-
менѣе соотвѣтствующимъ ~~или обычно~~ сложив-
шимся въ течеціи тысячелѣтій представленіямъ
объ истинномъ одномъ. Я думаю, что пять
способовъ „убѣдить" людей что метафизика не
должна искать благословенія у положительныхъ
наукъ и что эмпирическая личность не должна
„склоняться" предъ надъэмпирической личностью
что источникъ послѣднихъ истинъ въ пояснятѣ
того, что мы называемъ познаніемъ. Люди, какъ
и сама Эдда разучились слушать убѣжденія
и тоже стали „не слышащими убѣжденій", а
только побуждающимися силою. Даже даже великій
Норманнъ, по свидѣтельству великаго Аристотеля,
повиновался Дарцуѣбѣ Эдуаздоцуѣ. Но значитъ-
ли это, что метафизика отречется отъ своихъ
правъ, какъ того требовалъ Кантъ или согла-
сится на тѣ естественныя чудеса, которыя ~~предсказалъ~~ ей обѣщали
Дезель? Нѣтъ, не значитъ мнѣ все
значитъ. Несомнѣнно только лишь одно: истины метафи-
зики никогда не будутъ общеобязательными,
общими для всѣхъ. Для одареннаго сознанія Наполе-
онъ одна метафизическая истина, для чиновника
другая метафизическая истина. Тотъ, кто спра-
шиваетъ, кто впередъ, какъ намѣренъ согласиться
принять всѣ отвѣты, какіе онъ на свои вопросы
получитъ за отвѣты окончательные — у того

метафизической изуча-
въ ничѣмъ не ограничен-
ной, ни на что не оглядя-
довольствующимся
вающемся произволъ, рас-
бонгаствленное
дающемъ „добро зѣло",
прикасаться не на тому
основу дано „~~для~~ только
живому человѣку (эмпи-
рической личности), впра-
вавшуюся въ власти
истинъ, созданной
ничего не слушающимъ
и ничего не слышащимъ
разумомъ..."

(замѣнъ Канта да-
лижской или воскре-
сенія Лазаря.

будетъ вѣрное, прочное, непоколебимое знаніе и соотвѣтствующіе этому знанію постулата Бога, безсмертія души и далѣе свободы. Тотъ, въ духѣ (т.е. во сне) даже одинаково бывшее будетъ превращать въ не бывшее. Иногда кажется, что всѣ до одного люди есть только одаренное сознаніемъ камни, которые разъ навсегда удовлетворились постулатами и дарами разума философіи и отдали себя во власть Дѣйку. И это отсыпоняя на дѣйствительность. Боюсь, будутъ ли всѣ и навсегда заседели въ каменномъ оцѣпенѣніи и тѣ изъ насъ, которые еще не превратились въ камни дошли бросить всѣ videre, videre, et detestari, чтобы обрѣсти вѣчной acquiescentia, quae et rationem ditat et quae summa est quae dari potest. Такъ кажется и такъ было бы, если бы Кантъ былъ правъ и Deus ex machina было бы столь полнымъ предположеніемъ, какъ ему это представлялось, и, если бы мысль была самодвижущимся духа, какъ учитъ Гегель. Но и Кантъ и Гегель не свое говорили: они говорили Дѣйкаюсе и Дуней Енотъ, утверждая что Deus lapidem beatificari non potest былъ еще во власти и несвободности. Но „Истина" метафизическая истина начинается только тогда и тогда, когда снимаются съ человѣка оковы, наложенные на него Дѣйкомъ. Въ этомъ смыслѣ плотиновское Дѣйкъ

человѣку удается сбросить съ себя

Ирóдовъ. Богъ можетъ и камень разбудить, вырвать его изъ „сознательнаго" (самого страшнаго — ибо самоудовлетворенного) исчадьнепія и вернуть его къ тени и присущи тени videre, videre et detestari. Должно быть это разумѣнъ и Яковъ Бемъ, когда онъ утверждалъ, что, когда разъ, когда Богъ отъ насъ отворачивается, онъ перестаетъ понимать то, что самъ написалъ. Онъ тоже „нормально" одаренномъ сознаніемъ кажется и только въ минуты пробужденія соприкасается съ истинами, которые его нормальному сознанію представлялись предѣломъ полнаго и безмысленнаго. Метафизическій истины не только не есть истины для всѣхъ, всегда и всюду (semper, ubique et a omnibus credendum est), для одного и того же человѣка они то существуютъ, то не существуютъ. И большей частью, почти всегда не существуютъ, ибо предполагаютъ особыя состоянія, именуемыя у Плотиновъ (экстазами, выхожденіями) (зрѣлищами достиженія господства Разума), у Бемъ (и не у одного Бемъ) благодатью Божіей. Такъ истину можно, какъ учитъ Платонъ, увидѣть — показать все имъ самъ. И наконецъ — послѣдняя и быть можетъ самое важное non pari conditione creantur omnes; sed aliis vita aeterna, aliis damnatio aeterna praeordinatur. Deus occulto et immutabili consilio libere quos vult eligit, aliis rejectis. Иначе говоря: метафизическая судьба людей, и опять и ихъ эмпирическая судьба неодинакова. Одни рождаются, какъ какъ одаренные сознаніемъ, Фихтеворцы

и избираетъ. У Кальвина, для котораго ев. писаніе не сводилось единственно къ Нов. завѣту, что Евангелія эта мысль не заострилась лучше болѣе адекватно выразить?

Когда кто нибудь прочитает

Если ~~кто~~ либо на примерчки со „ученой," они видятъ въ этомъ нечестивую и пламенную ~~странную~~ незаконнатую строптивость, восмущеніе противъ законовъ міроздания что ~~на самомъ дѣлѣ~~ ~~что ихъ свободу~~ отъ необходимости никому не дано уйти

не могло ~~отклонить~~ отъ предназначенного ~~впередъ и нарисованнаго~~ впередъ ~~нитей~~

живутъ, какъ камни, и умираютъ какъ камни. Для нихъ свобода, неожиданность, непредвидѣнности, для нихъ чудеса, сидеча, detestari есть то, что больше все оскорбляетъ ихъ каменную природу и настоящаго отвратительнаго и чель нимъ въ міроздании, ~~для не существующихъ~~ ~~имъ~~. Если бы предъ ними вдругъ кто либо свободно принялъ какое нибудь рѣшеніе, они въ своей каменной сущности отказались бы увидѣть свободу и утверждали бы что. свобода тутъ только кажущаяся, что на самомъ дѣлѣ рѣшеніе впередъ опредѣлено такъ же впередъ опредѣлено, какъ и ихъ каменныя движенія не могутъ отклонить отъ опредѣленнаго для чего законами назначенія: „Механизмъ духа, какъ и механизмъ тѣла, свобода есть нелѣпость или фантасмагорія. Свободы нѣтъ и въ свободѣ нѣтъ ~~порядка~~ ~~мистерии~~ максимумъ (допущеній: идея свободы, и, вслѣдъ и вмѣстѣ съ тѣми допущеніями, идея безсмертія души и идея Бога, ибо идеи, ~~даже~~ еще лучше, чѣмъ камни, утѣшаются и вмѣщаются въ механистическое міропониманіе. И выражаютъ одаренному сознаніемъ ~~историческимъ~~ ~~какъ по~~ пользу. Онъ правъ: его философія вполнѣ выражаетъ его каменную ~~сущность~~ природу. Ему не нужно ни свободы, (онъ свободу называетъ произволомъ), ему не нужно безсмертія (~~это было~~ случайное безсмертіе бы состоитъ отъ претенсіи конечнаго на безконечное), ему не нужно и Бога (Богъ - есть День съ тысячи)

души (душа, по его мнѣнію есть конечное - зна

Для него метафизика есть acquiescentia in se ipso и онъ добылъ себѣ tantam acquiescentiam quae dari potest — большаго онъ не добивается. Самое ужасное для него — мысль, что есть Deus, ~~хотя~~ бы даже Deus ~~сам~~ со potentia absoluta, т.е. такой, который имѣетъ власть lapidem beatificari. Духъ Сократа отказывался дать Богу такую власть, ибо въ этомъ видѣлъ чудо, т.е. насиліе надъ духомъ. Въ исторіи человѣческой мысли несомнѣнно огромную роль играли и продолжаютъ играть одаренныя сознаніемъ натуры. И, надо думать, объ этомъ только ~~на этой почвѣ вырастѣ~~ ~~теоріи~~ преодолѣванія, которыя кажутся иногда столь чудовищно несправедливой. Въ ~~самомъ~~ Въ основѣ сущности ~~дѣлѣ~~ ~~въ ней~~ въ идеѣ, что non pari conditione omnia creantur нѣтъ ничего ни чудовищнаго, ни несправедливаго — если только отрѣшиться отъ наивной вѣры, что общія понятія способны вмѣстить въ себя всю дѣйствительность съ ея неисчерпаемымъ богатствомъ содержаній. Намъ кажется, что понятіе человѣкъ равно обнимаетъ собой всѣхъ людей, когда либо существовавшихъ и даже всѣхъ имѣющихъ народиться. ~~Отсюда~~ Что слѣдствіе: почему мы знаемъ, что Сократъ есть человѣкъ, какъ Алкивіадъ, Аристотель — какъ Александръ Македонскій, Сисифъ — какъ Гегель? Что всѣ они созданы pari conditione одинаковыми и имѣютъ одно и то-же назначеніе! Знать этого мы не можемъ. Наоборотъ — если присмотрѣться поближе къ дѣйствительности, то всѣ вѣрятся за то, что non pari conditione creantur omnes. ~~Соотвѣтственно этому~~ Разные люди ставятъ себѣ раз-

Странной иронія судьбы нами, одаренными сознаніемъ, больше и прямѣе вѣрно возмущающимися идеей преодолѣванія и называемыя всегда чудовищными воплощеніемъ крайней несправедливости. И ~~мы надѣемся~~ фи утѣшаемся, что одинаковость, идеалъ есть ~~равенство~~ метафизическаго бытія, и, говоря имъ вообще говоря, все равно и ничего не будетъ, тѣмъ не менѣе или, можетъ, именно потому имъ мнится самособой ~~всегда~~ рождаемо существенно, всеобщій и необходимый.

ныя задачи и въ разномъ видятъ истину. Одаренное сознаніемъ наши ищутъ acquiescentia in seipso, и acquiescentia in se ipso, равно, какъ все, что acquiescentia приноситъ, кажется имъ единственно достойною цѣлью исканій. Для нихъ стѣна не ~~кажется~~ врагъ, а союзникъ, доставляющій послѣднее „мистическое" успокоеніе. И, конечно, нѣтъ ничего ни несправедливаго, ни чудовищнаго если для нихъ damnatio aeterna praeordinatur, Богъ имѣетъ власть и lapidem beatificari, но разве потому они должны всѣ наши превратить въ святыхъ? Они ~~можетъ~~ decreto et immutabili consilio libere quos vult eligit, какъ ему захотѣлось нами предназначить къ вѣчной жизни, отнявъ у нихъ acquiescentia in se ipso — есть ли какое нибудь основаніе заступаться за тѣ нами, за которыми ихъ намѣренная сущность сохранена? Говорить о чудовищной несправедливости? Скорѣй обратно задача наша состоитъ въ томъ, оберегать „изгнанныхъ" отъ сонного наслажденія, которое подчиняетъ истина и вѣдѣніе, вносятъ съ собою въ міръ одаренное сознаніемъ наши. Они права и въ своихъ истинахъ и въ своемъ вѣдѣніи. И чѣмъ окаменѣлые они, тѣмъ глубже въ нихъ увѣренность въ своей правотѣ и тѣмъ больше дано заражающей силы или убѣдительности. Ихъ каменная твердость, или робость, ничѣмъ не нарушаемая покой-

т.е. что имъ не дано измѣнить своего каменную природу

~~напутствуя~~ созданотъ имъ (несмѣнимаго) ореолъ ~~въ~~ выдержанность, методичность, послѣдовательность — все то, что выдается за вторыя свойства человѣческаго духа выдавали и выдаваютъ сейчасъ не знающаго сомнѣній и колебаній увѣренность въ существованіи предстоящихся намъ необходимыми условіями и розысканій и нахожденій истины. Устать искренно и добросовѣстно прославлять мистицессеса, разорвавшееся несчастное сознаніе людей, которые не умѣютъ и не хотятъ преодолѣть въ идеѣ разрывающія ихъ души противорѣчія. Исмаилитъ, въ свой чередъ, такъ-же искренно завидовалъ обрѣтенной Христомъ acquiescentia omni. И исторія — высшій и послѣдній судья надъ людьми — уже ~~высказала~~ вынесла свой приговоръ! Христу vita aeterna, Исмаилиту — damnatio aeterna.

~~При чемъ~~ Нѣтъ люди, которые возмущаются и негодуютъ при мысли, что Богу дана власть предопредѣлять судьбы людей, съ какимъ сердцемъ соглашаются эту власть предоставить исторіи, хотя знаютъ, что ~~такая~~ исторія, какъ и аристотелевская необходимость ничего не понимаетъ и не можетъ ни видѣть, ни слышать, и ко всему равнодушна. Или именно потому они такъ охотно отдаютъ власть ключей исторіи? Боюсь, что такъ. ~~Во всякомъ случаѣ несомнѣнно~~ Боюсь, что при ratione conditione отнесутся, и, что, если съ этимъ не считаться, то (всѣ) вряда ли можно хоть сколько нибудь пріобщиться къ тайнѣ человѣческаго существованія и найти путь къ ~~истинѣ~~ источникамъ вѣчнаго истины. Намъ всегда, какъ Аристотелю

Свойственно имъ

И все же

и Гегелю будетъ казаться, что истина достигнута истинна, какъ и положительная истина есть то, чему можно научить каждаго, ибо всякая истина обладаетъ принуждающей, принудительной силой. Ἡ ἐξ βουλήσεως (Лиевс) — ведетъ къ изначальной свободе и, стало быть, къ вѣчной тайне наоборотъ всѣ тайны бытія и мірозданія связаны съ суверенной изначальной царственной свободой, о которой люди не сохранили даже воспоминаній или сохранили только самые смутные воспоминанія. Не только наша мораль и требуетъ есть повиновенія.

Наше мышленіе есть мышленіе рабовъ, а не господъ. Мы вѣримъ только въ принужденіе, какъ думалъ Ницше, и всякое вольное свободное движеніе, всякое свободное начинаніе представляется намъ равно и безумнымъ и преступнымъ. Наши страсти такъ велики, что даже философія, изслѣдуя источниковъ, началъ, корней всего, озабочена только тѣмъ, какъ бы ограничить, связать, сдержать живого человѣка. Ἀρχετύπος ἀνάγκος — философскій идеалъ Аристотеля, ἀρχετύπος ἀνάγκος — высшій идеалъ Гегеля. И, можно было бы думать, что человѣчеству не дано никогда вырваться изъ нависшаго отъ времени своего, если бы время отъ времени не раздавались, точно звуки набата, трубные голоса тяжкихъ людей, звавшихъ къ пробужденію. Мы помнимъ ἡ ἐξ βουλήσεως Платона, ἐπέκεινα νοῦ καὶ νοήσεως Плотина, знаемъ слова Паскаля отъ слепых

tement et assoupissement, и, наконецъ, приходъ
нашихъ — Jenseits des Tal und Höhen (т.е. по ту
сторону рачеге и дладдаугоіаі) и (отцу) Достоевскаго.
Одаренное сознаніемъ камни ~~быть можетъ~~
к примиряются (то) сѫстной и зовутъ вѣчнаго
къ примиренію. Но живые люди сосѫчной не
примиряются, какъ бы непреодолимой они ни
казалось и не заключатъ съ ней міра и
будутъ рваться къ источникамъ метафизи-
ческихъ истинъ, хотя бы имъ пророка взывали
всеобщее прекращеніе и исцѣленіе, ~~Τοῖς πολλοῖς~~ и хотя бы они не имѣли
~~ἀνθρώπου παρέχει~~. Но не (Νον) omnes pari condi- никакой надежды, что
tione exantur. (отцы) А тѣ, которые тамдутъ имъ когда либо удастся
и ищутъ вѣчной жизни, оставивъ всѣсо- вернуться
бязательное и необходимое истина въ пользованіе одаренными сознаніемъ камнями, ~~тамдутъ~~ ~~искать свою~~ искали и ищутъ своей
тамъ, гдѣ нѣтъ ни необходимости ни послѣ-
дованія. За ними не пойдутъ всѣ, многіе
слишкомъ многіе: Τοῖς πολλοῖς ἀνθρώπου παρέχει. Но развѣ нужно, чтобъ всѣ пошли? И
развѣ метафизическая истина есть не-
тина для всѣхъ? И развѣ одобреніе и
поддержка всѣхъ что-либо можетъ дать
тому, кто ~~продолжать~~ (прочетъ) цѣлѣнуν δαιμόνιον? Ему уже все равно, что о немъ скажутъ, судили ли его
какъ о немъ будутъ судить. Λάθε βιώσας
ὁ ἀληθινός· εἰ δὲ ἐπιχειρήσαιμεν ἀναδοῦναι;
~~Метафизическ~~ Источникъ метафизиче-
ской истины открывается лишь тому,
(живой человѣкъ, а не надчеловѣческая личность)
когда человѣкъ (прежде) уйдетъ отъ всѣхъ и ~~всѣхъ~~
предстанетъ предъ Богомъ, и тогда/только будетъ ему
всѣ ~~ничего новаго понятно~~.

дивные его слова, или не при-
мутъ. Вы все равно, будутъ не
слушать его слова всегда на
языки исчезнутъ.
Развѣ постигъ, что
смерть въ такой не
существенно „сознаніе
конецъ, какъ рожденіе
„сознаніе" начало.
Что сознаніе къ чудесамъ
разумъ не и разумъ не
clare et distincte разнимется
уйти въ вѣчной, перестать
данная тайна, примутъ

обрѣтетъ для (настоящую свободу „мышленія" и царствуетъ не слушающей убѣжденія необходимости наступитъ конецъ и тогда, вдругъ" не слушающая убѣжденій необходимость теряетъ свою власть надъ нимъ, тогда разсѣваются его выдумки, ~~заставивши его~~ заставившія его всегда отворачиваться, ~~тогда~~ и искать ~~спасе~~ убѣжища и спасенія въ знаніи

Метафизика есть не отрадна на „необходимость", а полезная и великая борьба" (ἀγὼν μέγιστος καὶ ἐσχάτος"), какъ учитъ Платонъ, борьба за право человѣка жить по ту сторону разумного и знанія (ἐπέκεινα νοῦ καὶ νοήσεως). Истинныя метафизики — не рабы, а дивѣе

и рождающаяся въ такой отрадки знанія

Можно ли разсматривать эти „метафизическія истины" сдѣлать всеобщими и необходимыми? Можно-ли убѣдить „всѣхъ" людей, что „необходимость" не есть „святая необходимость", и что назначеніе человѣка — не творить жизнь и истину, а только исполнять свой долгъ и повиноваться никѣмъ не установленнымъ и неизвѣстно откуда пришедшимъ законамъ. Конечно, нельзя. „Всѣ удѣрки, что это было бы равносильно тому, чтобъ alle Philosophie zu Grunde richten. Но нужно-ли убѣждать „всѣхъ" и можетъ ли метафизическая истина быть истиной для всѣхъ? Non rari conditione omnes creantur. Alii vita aeterna, aliis damnatio aeterna praeordinatur. Deus libere occulto et immutabili consilio quos

Такую „свободу" „всѣ" не рѣшатся предоставить даже высшему существу, Кантъ ~~боялъ~~ увѣренъ, что это значило бы alle Philosophie zu Grunde richten. Но

vult eligit, aliis rejectis. Даже Фихте говорил:
was für eine Philosophie man wähle, hängt davon
ab, was man für ein Mensch ist". Никто создан для
дерзости в мысль, наделенным сознанием слишком идет за
damnatio aeterna, тот, „избирает" аристотелевскую
„ἀνάγκη", ἀνάγκη, о которой сказано, что она τὶ ἀνα-
λάντιον ἔχει, и которая исключает и рассеет
непустой всякую метафизику, тот-же, кто готов
рем для вечной жизни („крайнего порога") тот ищет
кто чувствует в душе жить мгновениями, что они
метафизическ. нет отдыха в метафизической нетяги
в τῆς ἐμῆς βουλήσεως и в причастии сотворит-
чаете. и в борьбе κρείττονος ὑπόρρας, тот в веч-
ными силами, до последнего мгновения своей жизни
будет бороться в рачёте, и будет искать
источник метафизической нетяги в диве,
τῆς ἐμῆς βουλῆ вместе с Платоном будет
всегда рваться из пещеры, где законом
бытия является рачёте туда, где царствует
τῆς ἐμῆς βουλήσεως. Его „мышление", конечно,
не может быть оправдано перед разумом и не ведет на acquiescentia in secreto
но они вовсе в оправдании не нуждается. Немыслет.
что по-тут сторону оправдания. вне стремится только
Πάντα δὲ τοῦ κρείττονος – τὸ τὸ ἐπιχειρεῖν ἐν
ἀνάγκαις; не тому, чтобы вырваться из
власти созидаемых одаренными сознанием
„вечными истинами", которые по божественной
воле судьбы обладают, как и их владычица,
ἀνάγκη или чтобы им не пустить ой силой дарами
доказательствами и исполнительными
покорять себя (ἀνάγκαις) живых существ. Вот
смысл платоновского πάντα δὲ τοῦ κρείττονος. На
все нужно идти, чтобы уйти из области, где
все clare et distincte и войти в область тайны,
никогда не становящейся явной, – из нея же и
черпает источник метафизической нетяги,
не ищущей доказательств, ни у кого ничего не спрашива-

Это, конечно, не значит, что мы по „философии человека" можем угадать, предназначены ли они в „вечной жизни или в вечному осуждению. Слова человека далеко не всегда обнаружают его действительную сущность. Кальвин лучше и несравненно глубже выразил мысль об источниках нетяги

Как освободиться, каким оружием защищаться от той страшной силы? Платон выражает: надо ему: бросить все оружие и с голыми руками пойти на встречу страшному врагу.

Из области, где все clare et distincte, они вошли в область вечной тайны, никогда не становящейся явной. Тайна есть второ

ищет и показает только acquiescentia in secreto, quia ex tota ratione oriri potest et quae maxima et quae dari potest нищет за этим

щей, никого ни къ чему не принуждающей къ чудесному, всыми заботящу и потому на-
жущемуся фантастическимъ Semel fuisse.

73
73a

[Угроза современных варваров]

Девятнадцатый вѣкъ былъ однимъ изъ самыхъ спокойныхъ и благополучныхъ періодовъ, какіе приходилось переживать человѣчеству. Послѣ (наполеоновскихъ войнъ и до послѣдней войны, въ которой принялъ участіе почти весь міръ нашъ земля по ровному, казалось навсегда опредѣлившемуся руслу и повѣрхностному взору ничто не предвѣщало грозныхъ событій, которымъ намъ пришлось и приходится быть свидѣтелями. Правда, были и войны, были и революціи, но они проходили сравнительно быстро и быстро забывались. Правда, также, что человѣчество – въ особенности Европа и Америка – шла очень напряженная экономическая борба. Не будетъ, можетъ быть преувеличеніемъ сказать, что соціальный вопросъ есть дѣйствительно стоитъ. Но, хотя Марксъ и ставилъ основой своего ученія непримиримость классовыхъ противорѣчій – все же казалось, что постепенное развитіе техники является залогомъ примиренія непримиримаго. Оптимистъ, убѣжденно въ завтрашнемъ днѣ и въ прочности общественныхъ и государственныхъ организацій встрѣчались сплошь и рядомъ среди ученыхъ – экономистовъ, историковъ и юристовъ, такъ и среди государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Права человѣка и гражданина, казались обезпеченными навѣки вѣковъ. И, главное, казалось, что весь этотъ строй держится не грубой внѣшней силой, на которую нельзя никогда положиться, ибо ей все равно, какой бы порядокъ и какой бы строй не поддерживать, но корениящимся съ самой сущностью человѣка убѣжденіемъ въ святости и нерушимости высшихъ правовыхъ и моральныхъ принциповъ. Когда говорили о цивилизаціи и прославляли ее, и видѣли въ ней торжество духа надъ силой. Французы

и даже вообще все равно, есть ли порядокъ и строй

сошлись поговорить
~~[illegible] говорили~~ и посредство русского и он пойдет на татарина. Это значило — оживление европейца
сыч
не такой русский сколько не скребись — до татарина в нем во не доскребешься, для остальных европейцев цивилизация стала их второй природой.
Но вот разразилась война. И первое, что, ~~слово, кот~~орое
мы услышали от европейца были знаменитые
слова германского канцлера о том, что договор
~~обязательство~~ есть клочок бумаги, иначе говоря, что
иногда что
право — что воздумали доступных людей и что все
вопросы решаются силой. Гетман Польевой — ордина-
рный, незначительный человек, оказался пророком:
очевидно — и все, что мы потом наблюдали подтверди-
ло это — чтобы быть пророком вовсе не надо
дальновидным быть ~~[illegible]~~ или обладающимся чем. И даже больше того: может
Что
показ, ~~быть незначительным~~ рода пророчества предлагают
второпечатность — умственную и моральную. Доклад
потонувшие и поучение Гетмана Польевой, пожалуй,
постыдились высказать то, что они сначала: и не
скребите меня — я татарин (А Гетман Польевой
облетывающий весьма
сказал и даже его фраза о клочке бумаги сох-
ранит его имени незначительность в истории одна
лишь оно всем остальным, что они говорили
и думали забудутся. Гетман дал Польевой потомкам
начало: теперь прямо не стыдится быть татарами
полем. Теперь этим похвалялся. Теперь не чудо на-
ходить человека, которого гордо называет всем:
сколько не скребите меня, до европейца не доскреб-
ешься — я остаюсь татарином. Ибо побуждают
татаре: ~~[illegible]~~ а главное
в жизни побуждить давно мы уже знаем: горе

(Вдь смысл сложен именно
в том и состоит)

не постыдились, не догадались даже
постыдиться

побѣждающимъ. И ~~мы~~ тоже можетъ помѣшать, что это слово грубого солдата не такъ давно нашло себѣ философское выраженіе въ обаятельнѣйшемъ всѣхъ моръ словахъ Гегеля: das wirkliche ist vernünftig, das vernünftige ist wirklich.

Бетманъ-фонъ Гольвегу не пришло въ голову — но онъ могъ бы воспитать на величайшаго національнаго философа. И въ Гегелѣ — ~~свою~~ великолѣпная философская душа — скрывался тайтонъ: любое германецъ не даромъ видѣть въ немъ своего предка. Да и правда германцы учинили въ немъ большое всего преклоненіе предъ дѣйствительностью, т.е. предъ внѣшней, грубой силой. Человѣческая, философій душа" была только фиговымъ листомъ, которымъ прикрывались совсѣмъ не духовныя вожделенія европейскихъ людей. И, пока жизнь шла нормальнымъ порядкомъ не было надобности фиговый листокъ срывать. Но, при первыхъ трудностяхъ, европейскій человѣкъ обнажилъ себя: даже и фиговый листокъ показался ему непомѣрною тягостью, и сбросилъ онъ его съ себя тотчасъ.

~~Любопытно, что~~ Въ Америкѣ — при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ — мы имѣли случай наблюдать точное то же явленіе. Когда у американцевъ дошли отнять водку, они, какъ одинъ человѣкъ встали на ея защиту. Тогда что угодно пойдемъ, все уничтожимъ, а водку не отдадимъ. Въ короткое время создалась великолѣпно вооруженная армія бандитовъ — и предъ ней пришлось склониться государству. Всѣ видѣли — что если американцамъ не вернутъ водку — страна станетъ добычей разбойниковъ, ибо средній обыватель скорѣй согласится пойти въ рабство даже къ бандитамъ, чѣмъ въ самому чорту, чѣмъ отказаться отъ водки. И хотя на первый взглядъ это покажется парадоксальнымъ — но несомнѣнно есть глубокая внутренняя связь между идеологіей, выразившейся въ приведенныхъ выше словахъ Бетмана-Гольвега и ~~центральной~~ психологіей

границах Сѣверо американских соединенных штатов
с европейцем и в культурном американцем цивили-
зацiя далеко не удалось в такой мѣрѣ преодолѣть
первобытное начало, как это могло казаться. Водки
они ни за что в мiрѣ не отдадут — духовная ценность
и у них есть свои святыни защищать. Еще не
так давно — всѣ бы пришли в негодованiе противъ
такого опредѣленiя сущности среднего культурнаго
европейца и американца, но теперь вряд ли и мы
вычислим в виду того, что произошло за послѣднiе
года, отстаивать это. Наши ученые сущемоги съ
университетскаго цинизма и в своих сочиненiях доказы-
вать могли тому, что исторiя движется великими
идеями и даже Гегель и в своей философiи исторiи
и в своей религiозной философiи постоянно говорит
на эту тему. Но „разумная действительность" поме-
лась надъ идеалистами. Немцы, когда потребовалось
разорвать договоръ, американцы организовали бандитов
на защиту воды. Многие в Россiи отняли
у людей Бога, народъ не нашелъ в себѣ силъ при-
нудить власть пойти на уступки. Большевики систе-
матически разрушают храмы, сожгли и разстре-
ливают священнослужителей вплоть до епископов и
а народъ безмолвствует. По примеру большевиков и,
в своем вдохновившихся бандитизмом Петлюры
в Германiи бич всякого стеснительнаго покушается на
верующих немцев. Вот, вот, побаиваешь любо в преиму-
ществѣ арiйской расы — вправе ли сей выразить надежду
продолженiя прельщенiя предъ пророками и апостола-
ми, отъ которых пользовано человѣчество принять

прочитать исторiи. Вычитавши
у Гобино, что

благую вѣсть о единомъ, всемогущемъ Богѣ, творцѣ неба и земли. Библія-еврейская книга, Іисусъ-еврей, Марія еврейка и книгоноши апостолы. Петръ и Павелъ тоже евреи. Естественно, что ~~германцу~~ первая обязанность истиннаго германца освободить себя отъ всякой зависимости отъ чужаго и по духу библейскаго ученія. Не такъ давно — хотя за нѣсколько лѣтъ до прихода къ власти Гитлера — мнѣ случайно пришлось услышать (правда не въ Германіи, хотя и отъ людей, говорившихъ по нѣмецки): Habe der Teufel diese zwei Juden, Jesus und Paulus, wir brauchen das reine Christenthum, so wie wir es von Griechen bekommen haben. Но ~~Гитлеру~~ нѣмцамъ такіе не нужно. Они ~~хотятъ быть~~ хотятъ видѣть ~~для нѣмцевъ — не Сосѣдомъ~~ — Богомъ. И ~~нѣмцы, пожалуй~~, соглашаются. Можетъ быть не далекъ тотъ день, когда они ~~смогутъ~~ станутъ сжигать книги Ветхаго и Новаго Завѣта, подъ одушевленные крики пораженныхъ въ горячкѣ рудаки европейцевъ-татаръ. Habe der Teufel die zwei Juden, ~~wir brauchen~~ Jesus und Paulus — wir brauchen das reine Christenthum, so wie wir es von Hitler bekommen haben. Люди ~~они~~ ожидаютъ и вѣрятъ свободу и что угодно — только бы и какую угодно духовную чистоту. Вотъ, если бы теперь кто-нибудь попытался отнять у нихъ это — тутъ бы ему, вѣрно, ~~пришлось~~ они стали кусать. Но на это никто не покушается: всѣ вѣчаетъ своихъ татаръ.

Какъ они стыдятся ~~соціалистическихъ~~ соціалъ демократовъ, которыя десятки лѣтъ кормились всѣмъ любимыми вопдами трудящихъ масса.

То, что сейчасъ происходитъ въ мірѣ въ какомъ то смыслѣ напоминаетъ ~~то~~ отдаленное отъ насъ уже многими вѣками прошлое — эпоху нашествія варваровъ. Но прежде варвары шли извѣнъ, теперь они поднялись такъ сказать изнутри. Но ~~Внѣшнѣ~~, однако было бы думать, какъ иногда приходится слышать, что это нашествіе упрощаетъ

полнымъ разрушеніемъ и гибелью цивилизаціи. Исторія правда намъ говоритъ о томъ, что многія цивилизаціи безслѣдно исчезали съ лица міра. Но это было давно, очень давно — когда нашъ міръ, т.е. живущее на землѣ человѣчество было разбросано по отдѣльнымъ материкамъ больше или менѣе значительными, но мелкими собой совсѣмъ или очень мало связанными группами. Еще нѣсколько столѣтій назадъ Европа и Азія — т.е. восточное полушаріе, было почти так же отрѣзано отъ Америки, какъ земля отъ луны или какой-либо иной планеты. Теперь на земномъ шарѣ нѣтъ ни одного почти уголка, который бы не былъ прямо, почти органически связанъ съ всѣмъ остальнымъ міромъ. Если бы выдумыя какой нибудь ~~какой~~ геологической или космической катастрофы — вся Европа исчезла бы подъ водой: цивилизаціи бы не погибла; осталась бы Америка, Азія, Австралія, Африка. Если бы, кромѣ Европы и Америки исчезла — цивилизація все таки бы сохранилась. ~~Такъ что~~ Всѣ въ отдаленныхъ и даже небольшихъ, и даже оровнительно отдаленныхъ странахъ есть въ библіотекахъ, университетахъ, политехникумахъ, музеяхъ и т. д. хранятся и культивируются знанія, добытыя человѣчествомъ за его долгое существованіе и даже большія катастрофы не мѣшаютъ угрозой самому существованію цивилизаціи, если подъ тѣмъ разумѣть только достиженія въ области знанія и техники. Нашествіе варваровъ, которыхъ у насъ идетъ здѣсь рѣчь менѣе всего способно остановить дальнѣйшее развитіе техническаго прогресса и политическихъ знаній. Современные варвары уже давно догадались, что и техника и наука и вытекающая изъ науки

техника могутъ сослужить свою службу и имъ. Конечно, и даже необходимыми
теперь вождь Эйнштейна, выгнанъ и многимъ другимъ выдаю-
щимся ученымъ изъ своей страны, ~~так~~ они бы имъ процвѣтали, и пора другимъ предоста-
но они и ~~вы~~ языки по прежнему продолжаютъ брать знаній
всюду, гдѣ только могутъ. А въ Россіи Павловы ~~продолжаютъ~~
терпятъ до сихъ поръ, хотя они и скрываетъ свою отвращеніе
и предрѣшеніе къ большевизму: чѣмъ больше бранятъ ~~они~~ большевики „буржуаз-
ную" науку и буржуазную технику, тѣмъ больше они у нихъ
заимствуютъ. Всѣ „достиженія" большевиковъ, которыми они
ни одного не украдено
осыпаютъ ~~наивно~~ не только туристовъ и даже очень извѣстныхъ
политическихъ дѣятелей,
осуществлены иностранными инженерами по иностраннымъ
планамъ и даже на предоставленныхъ иностранцами въ распо-
ряженіе имъ. Большевики доставили отъ себя только даровой
или почти даровой трудъ русскихъ мужиковъ, которымъ они
обѣщали рай на землѣ, боятся за участь ~~этой стороны~~ преобразованныхъ знаній и техническихъ сноровокъ и которыхъ они принуждаютъ
цивилизаціи нѣтъ никакихъ основаній. При всякомъ варварствѣ, работать въ условіяхъ, въ
домѣ и при господствѣ старого режима все, что можетъ
служить имъ, будетъ сохранено и даже развито. Иной вопросъ, что это
принесетъ человѣчеству, овладѣетъ ли оно, или грубая
сила ~~вооружится~~ будетъ пробовать вооружаться знаніями теоретическими и практиче-
скими или пропадаетъ. На этотъ вопросъ отчасти можетъ
дать отвѣтъ исторія прошлаго столѣтія. Какъ извѣстно
въ началѣ XIX столѣтія возникло такъ называемое мальту-
зіанство т.е. теорія, доказывающая, что человѣчество не
земля обречено на гибель и вымираніе въ виду того, что
рождаемость людей идетъ въ томъ же быстромъ темпѣ,
чѣмъ добываніе средствъ, нужныхъ для ~~ихъ~~ существованія.
Одна такой экономистъ, какъ Дж. Стюартъ Милль пи-
ралъ Мальтуса и ~~все думалъ о томъ~~ придумывалъ разныя средства, какъ бы задержать
ростъ и раздаемости. Теперь возникло обратное мальту-
зіанство — средствъ для существованія, говорятъ мало, слиш-

что порождает безработицу

хлопчатобумажной — и что еще большая беда, чем когда было средствъ мало: теперь стараются ограничивать производство, теперь сжигают или бросают въ ~~море~~ ~~уже продукты~~: и такимъ образомъ спасаются отъ того, что называется перепроизводствомъ. Это, однако, не значитъ, что у всѣхъ людей есть достаточно хлѣба и кофе, наоборотъ; не смотря на перепроизводство, много людей продолжаютъ жить въ крайней нуждѣ и голодать. Безработица — бичъ современной жизни — не пощадила ни одной страны ни Европы, ни Америки. Хлѣбъ бросаютъ въ море, а безработные т.е. люди, готовые работать, но не находящіе работы и голодающіе утѣшаютъ соображеніями о невозможности бороться съ желѣзными экономическими законами. Кто ихъ утѣшили? Кому нужно внушать людямъ и кому дана загадочная власть внушать имъ мысль, что въ мірѣ властвуютъ законы и при томъ такіе т.е. неизмѣнные? И непрестанно такіе, которыя, въ такомъ или иномъ видѣ сулятъ будущему человѣчеству подчиненность, зависимость, рабство. Но Рождаемость идетъ быстрѣе, чѣмъ производство. Когда человѣка пушки сгонятъ въ баранью рогъ, производство идетъ быстрѣе, чѣмъ рождаемость — выводъ тотъ же: человѣкъ долженъ быть обреченъ на рабство! И я думаю, что, послѣ всего вышесказаннаго, сразу — на умѣ возникнетъ подозрѣніе, какъ нужно отвѣтить на этотъ вопросъ. Подсказываетъ тотъ же „патефонъ", который ни о чемъ иномъ никогда не думаетъ, какъ о томъ, чтобъ въ той или иной формѣ осуществить единственно доступный его пониманію идеалъ — торжество грубой силы. Онъ оттого такъ и цѣпляется такъ тупо и упорно за мѣльницкимъ закономъ, что они въ конечномъ

Но, кто подсказывает всѣ эти выводы, всѣ эти и суде

алкоголь, кофе и т.д.

то смысль представляющая ему наиболѣе соотвѣтствующими его собственной природѣ. Законы принудительности самѣ только умѣютъ принуждать ему представляться, что даже Истина — будетъ ли она писаться съ маленькой или большой буквы, есть Истина только потому, что она принуждаетъ.

Теперь дальше. Татарчѣ, говорятъ намъ, азіатъ. Смыслъ французской поговорки: поскребите русскаго и вы найдете въ немъ татарина — имеено и значитъ: вы найдете въ немъ азіата. Но Европа значитъ и еще одно исключеніе: ex Oriente lux. Съ Востока т.е. изъ Азіи свѣтъ. Вотъ — родина религій: въ Европѣ ~~не бы~~ никогда не рождались ни пророки, ни апостолы. ~~Всѣ~~ Пророковъ и апостоловъ имѣютъ въ основаніи говорятъ Европу приходили не поставлять съ Востока. Историки говорятъ ~~уже~~ о вліяніи востока даже на древнѣйшую греческую мысль. Послѣдній же великій философъ греческій — Плотинъ представляется намъ какъ бы призывомъ, обращеннымъ къ человѣчеству о невозможности основываться въ тѣхъ условіяхъ духовнаго существованія, на которыя была обречена Европа своимъ предыдущимъ развитіемъ. Нѣмецкій историкъ Целлеръ прямо говоритъ о Плотинѣ, что онъ потерялъ добыча и мышленія, тому мышленію, которое тысячу лѣтъ такъ пламенно и любовно культивировали его геніальные предшественники. У Плотина нѣтъ тѣхъ словъ: ex Oriente lux. Но его духовный взоръ былъ обращенъ къ Азіи и его знаменитыя слова "по ту сторону разума и разумнаго знанія", какъ и его завѣтъ: "взлетѣть надъ познаніемъ" достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что европейская мысль почувствовала себя неспособной продвигаться дальше ~~своей стези~~ по избранному ей пути. Одной мысли недостаточно: нужно еще что-то, что выше, значительнѣе, важнѣе, чѣмъ мысль. Плотинъ

„стадіяхъ своего тѣла" и не вникнулъ той „дѣйствительности", которая принудительно навязывалась и продолжала навязываться человѣку тѣмъ, что именуется повседневностью опытомъ. Онъ чувствовалъ уже, что то, что обыкновенно считается людьми наиболѣе дѣйствительнымъ и что въ приведенной выше формулировкѣ Ісуса получило свое благословеніе отъ разума — (въ томъ и смыслѣ іоанновскихъ словъ: все дѣйствительное разумно) есть нечто менѣе всего дѣйствительное и заслуживающее не благословенія, а проклятій. Сила, насиліе — не имѣла власти надъ нимъ, и не чаровала его. Его влекло къ свободѣ, къ независимости духа. Философію онъ уже опредѣлялъ не какъ знаніе, не какъ науку, ибо въ знаніе и наука предполагаетъ принужденіе, а принужденіе чуждо для духа, ~~Дуа~~ а какъ τὸ λειτουργόν, какъ орудіе на потребу, открывая этимъ доступъ той истинѣ, или тѣмъ истинамъ, которыя давно уже (~~пустили корни~~) опредѣлили и направили собой исканія лучшихъ людей далекой Азіи. „Татаринъ" былъ съ корнемъ вырванъ изъ души Плотина, и его философія знаменуетъ собой, что наступилъ моментъ и для европейскаго человѣчества постигнуть, что жизнь держится не видимой грубой силой, но невидимой свободой. Появленіе его сочиненій загадочнымъ образомъ совпало по времени подготовкою его съ однимъ изъ самыхъ непонятныхъ и таинственныхъ событій европейской исторіи. Могущественный греко-римскій міръ, собравшій подъ своимъ владычествомъ безчисленное количество народовъ, строгій и постоянный, которая обширностью и силой превосходила всѣ извѣстныя намъ госу-

дарства, принуждены были склониться предъ чужой
мансикою, слабаго и вдобавокъ по всему, всѣми пре-
раемаго народца: культурная и сильная Европа ~~стала~~ отрекалась
~~признать~~ и своей силу и своей, основанную на сѣмъ куль-
туру и (отрицая свои вѣра) и возложила всѣ свои упо-
ванія на безащитную и въ своей безащитности
всѣмъ представившуюся безсильной, бездѣйственной и
потому какъ бы призрачной истину, возвѣщенную ве-
ликимъ Св. Писанія. Дѣлалось безконечное количество
попытокъ „естественнаго" объясненія этого полюса европейской
исторіи: какъ могъ могучій Римъ отступить предъ
безсильной Іудеей, какъ могли бессильные Даки покло-
ниться Іерусалиму? Но ни одно изъ предлагавшихся
объясненій не представляется удовлетворительнымъ, нас-
ромѣ всѣ они кажутся явно неудовлетворительными, что невольно
возникаетъ вопросъ: возможно-ли вообще тутъ какое
бы то ни было объясненіе и не ~~надо~~ соприкасаемся
ли мы тутъ съ великой тайной, т.е. чѣмъ, что
и не допускаетъ и не нуждается въ объясненіе, ибо ~~всякое~~ всѣ наши объясненія
объясненіе тѣмъ или иначе предполагаетъ наличность
видимой, осязаемой, доступной измѣренію силы т.е.
лишь разъ того, чего здѣсь разъяснять нельзя? ~~Вдругъ~~
~~сила надъ силой~~ ~~X~~ это станетъ еще болѣе загадо-
чнымъ, если мы вспомнимъ, что „безсильная" Библія
одержала не одинъ, а два раза побѣду надъ силой.
Сначала она покорила себѣ „татарина" въ Римлянинѣ,
но потомъ ей пришлось вновь вступить въ борьбу
съ „настоящимъ варваромъ". Варвары тоже были всемогу-
щими! они все стояли на своемъ пути и казалось,
что на этотъ разъ ихъ побѣда будетъ окончательной
и послѣдней. Но и тутъ оказалось, что „считали безъ

Хозяина". Варвары, татары побеждали — по побуждению диких законов побеждителей. Свыше с Востока вновь восстали над Европой, и грубая сила принуждена была ~~притаиться~~ и ~~проявлять себя~~ если не совсем сдаться, то притаиться и отойти на задний план. Европейская „цивилизация" развивалась и формировалась ~~в пределах~~ в душах христиан, открытой св. Писанием.

~~На~~ Теперь вновь татарин в европейцах отнял. Конечно в своем деле, технических и научных завований татарин не помеха, правильно чувствуя, что и наука и техника сами по себе нисколько ему не вредят, что они, наоборот скорее всего могут явиться для него наиболее ~~самыми~~ надежными и выгодными союзниками. Самым опасным и самым ненавистным для него в европейской цивилизации является не то, что дает ум и техника, а то, что было принесено откровением св. Писания, то, что приносит религия — т.е. свободу и независимость. ~~Злейший враг для него~~ В свободе и независимости он чует своего непримиримейшего и опаснейшего врага. Всю свою силу свои он направляет на то, чтобы раз навсегда окончательно свободу задавить. И тут мы подошли к ответу на поставленный нами вопрос: что нужно спасать в современной цивилизации. Нужно спасать то, чему больше всего угрожают, ибо угрожают тому что больше всего ценно в ней. Нужно спасать свободу. Люди должны сделать величайшее напряжение на то, чтобы остановить вторжение варваров с виной и варварством в их души. И в удачи ~~побед~~ мало не

доныне пугать насъ. ~~бо имъ побѣдами невозможно~~
~~слѣдуетъ во той или иной формѣ разъ нашіе~~
Имъ побѣды далее свидѣтельствуютъ объ ихъ неспособ-
ности отвѣтить на ~~самое существенное~~ комментарии нужды людей. ~~вопросъ~~ людскіе
~~человѣческихъ душъ~~ Лучшей иллюстраціей явится нынѣ
тунеядство и немальтузіанство, о которомъ у насъ
шла рѣчь выше. ~~Мало проис~~ Мало производитъ насиль-
ство — плохо, чего производитъ — тоже плохо. Тамъ,
гдѣ царитъ сила и насиліе нѣтъ и не можетъ быть
добра и ~~татарщины~~ татарщину не дано привести людей ~~къ~~ къ тому, ~~Тамъ~~ Татарщина грубая
что людямъ нужно. Если человѣческій духъ не найдетъ сила неизбѣжно приводитъ
въ себѣ силъ преодолѣть грубую силу, если побѣждение не тому, что во Библіи
~~опять~~ въ третій разъ надо думать, что человѣческій описано, нашъ ~~стоящіе~~ вѣ-
духъ найдетъ въ себѣ нравств. силы, что побѣждение ковъ и стоиопотвореніе. И
въ третій разъ станутъ диктовать законы побѣ- разъ событія послѣдних
дителямъ, что свобода ~~будетъ~~ люди все же отъ- 20 лѣтъ не есть ~~повторе~~
ятъ свободу — и со свободой все, что есть и было повтор всего того, о чемъ
лучшаго въ нашей цивилизаціи. нашъ разсказано въ Писаніи?
Все, что отмѣчено печатью
духа обречено на появленіе
слѣпцы только торжествую-
щіе крики варваровъ. И пес-
симистическія пророчества были
достоверны мало основательны
и нашъ и оптимистическія пред-
сказанія людей ~~нѣ~~ столѣтія.
Свободу не только нужно, ее
можно спасти и тогда
будетъ спасено все, что есть
лучшаго и цѣннаго въ нашей
цивилизаціи.

мальтузіанство и не-
мальтуз.

Наше мышленіе — мышленіе людей нашего времени не ими созданной, а унаследованной отъ предковъ языкъ {обречено заранѣе на} отрѣзано отъ творческой и созидательной работы. Оно не только не можетъ вызывать къ бытію новыя, прежде не бывшія вещи — въ чемъ собственно и должна была бы состоять главная задача мышленія, оно даже не смѣетъ нарекать имена вещамъ не имъ созданнымъ. Оно пользуется готовымъ, оно повторяетъ сказанное другими. И только тотъ настоящимъ образомъ мыслитъ, у кого былъ судебъ все, что было ему дано отнюдь. Все — даже слова. Кто ни разу въ своей жизни не былъ принужденъ вдумать ни одного говорящаго живого слова, тотъ вообще не мыслилъ и вовсе, при томъ, нѣтъ надобности, чтобъ человѣкъ вдумавшись имъ слово отчасти, произнесъ вслухъ при другихъ. Можетъ быть онъ вслухъ всю свою жизнь произносилъ такія же слова, какъ и другіе люди, чувствуя, что не пришло еще время для его слова и что оно не будетъ услышано. Главное, чтобъ это слово было имъ зачалось ~~родилось~~ въ немъ, чтобъ онъ самъ родилъ слово, принявъ на себя трудъ и муки, которыя предполагаются при важномъ рожденіи. Только такимъ образомъ и можетъ человѣкъ начать мыслить — не принимать только „данное", но и прибавлять къ ранѣе данному еще такое, что не было никогда дано, т.е. причастивъ къ творчеству ничего, и полагаясь существу, созданному по образу и подобію Божію.

№67 Арх Уф LXVII ед 273
68; 10; IV (67)

Если бы камень обладалъ сознаніемъ, говоритъ Спиноза, ему казалось бы, что онъ падаетъ свободно на землю. Но я ~~думаю, что~~ Спиноза ошибался. Я думаю, что, если бы камень обладалъ сознаніемъ, то онъ былъ бы увѣренъ, что падаетъ въ силу необходимости своей каменной природы. Я думаю, что идея необходимости только и могла возникнуть и укрѣпиться въ одаренномъ сознаніемъ ~~сознающемъ~~ камнѣ. И еще, т.к. идея необходимости пустила такіе глубокіе корни въ человѣческомъ душѣ, что кажется въ ней почти первичной и первозданной, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что огромное, подавляющее большинство людей не люди, какъ это кажется, а обладающіе сознаніемъ камни. И это большинство, которому все равно, но которое будетъ говорить и мыслить ~~въ силу необходимости~~ по законамъ ихъ каменного сознанія, оно то и создаетъ то окруженіе, ту среду, въ которой приходится жить всему человѣчеству — т.е. не только обладающимъ сознаніемъ камнямъ, но и обладающимъ сознаніемъ лицамъ существамъ. Бороться съ большинствомъ трудно, почти невозможно, ~~тѣмъ~~ особенно въ виду того, что обладающіе сознаніемъ камни болѣе приспособлены къ ~~тѣмъ~~ условіямъ земного существованія и всегда легче выживаютъ. Такъ что людямъ приходится примѣняться и подлаживаться къ камнямъ и признавать за истину, даже за добро то, что кажется истиной или добромъ каменному сознанію.

каменной природы всего сущаго.

Наше мышленіе — по самому существу своему — есть отрицаніе Безконечнаго. Оно родилось ~~на поворотѣ~~, изъ боязни, что за нами есть что-то, что нами управляетъ. И, вѣдь, въ самомъ началѣ — какъ только человѣкъ начинаетъ отмѣчивать, онъ видитъ страшное, опасное, грозящее гибелью. Но, если — согласимся сдѣлать такое допущеніе? — страшное только тогда и только тому страшно, кто отмѣчается. Голова Медузы, если на нее не глядѣть, ничего не можетъ сдѣлать человѣку, который идетъ впередъ, и превращаетъ въ камень всякого, кто повернется къ ней лицомъ. Мыслить, не отмѣчаясь, создать „логику" не отмѣчающаго мышленія, логику, которая съ нашей теперешней логикой ничего общаго не имѣетъ — не есть ли, наконецъ, философія, той мудрости — не философія, что въ томъ первая и насущнѣйшая задача человѣка? Что инерція, законъ инерціи — лѣнь — въ основѣ отмѣчающаго мышленія, съ его страхомъ предъ неизвѣстностью и desire de tactique, некогда не сведетъ ~~человѣка~~ насъ изъ полусознаннаго, почти растительнаго существованія, на которое насъ обрекла исторія нашего духовнаго развитія?

О преодолѣніи власти времени (см. книги „средніе времена")

~ ~ ~

Понятіе о ста талерахъ, говоритъ Кантъ, ничѣмъ не отличается отъ ста талеровъ „Hundert wirkliche Thaler enthalten nicht das mindeste mehr als hundert mögliche" — и „быть", „существовать", по его мнѣнію, не есть предикатъ. Бытіе такимъ образомъ онъ возвращаетъ на онтол. доказ. бытія Божія. Но логика отъ этого не страдаетъ. Но никакой логики и въ понятіи ста талеровъ, и въ понятіи „Бога" ум есть все, что нами

К. г. V. 627[b]

не обыкновенному человѣку, кто философствующему умозрѣнію нужно. Кто правъ Кантъ или Гегель? Достаточно ли понятія о Богѣ, или нужно Богъ существующій? Къ кому пойдутъ судиться о своей правотѣ Кантъ и Гегель? Явно, что идти некуда. Такъ что, вѣрнѣе всего каждый останется при своемъ — Гегель при понятіи о Богѣ, Кантъ — при Богѣ. Или тутъ спорь видимый, условный. Т.е. Кантъ такъ же хорошо, как и Гегель знаетъ, что Богъ не можетъ претендовать на бытіе, ибо (с. 628) познаніе существующаго есть познаніе à posteriori, стало быть „чувственное". Думаю, что послѣднее предположеніе болѣе правильно. Кантъ ум знаетъ все, что знаетъ Гегель. Но „все" еще рано было показывать людямъ. Для „практическихъ" надобностей требовалось постепенно подводить къ мысли, что бытіе, когда оно держится человѣкомъ, всему существу равняется небытію и такъ равняется, какъ въ ночномъ мірѣ у Гегеля, когда въ такомъ равенствѣ чувствуется непримиримое и нестерпимое противорѣчіе, въ такъ равняется что и примирить и вытерпѣть можно, ибо, въ концѣ концовъ ничего больше и не нужно, чѣмъ понятіе о Богѣ! Богъ, какъ всесовершенное существо, обойдется и безъ бытія. Вѣдь все несовершенное конечное существо въ томъ и состоитъ, что они ищутъ и жаждутъ бытія.

68; 10: IV (66+1) 26
A I 272 начало
№66

Комментарій къ предыдущему.

~~Но~~ Задолго десять лѣтъ еще до опубликованія критики чистаго разума, ~~готовясь разъяснять~~ готовясь къ ~~объ условіяхъ, при которыхъ на новомъ~~ разрѣшить еще метафиз. проблемы - ~~т.е. проблемы о Богѣ, безсмертіи души и свободѣ~~ - Кантъ писалъ: in der Bestimmung и т.д. (639 и еще „Zu sagen....". ~~Какъ извѣстно для~~ Канта, ~~нашъ~~ онъ самъ неоднократно повторялъ, метафизическія проблемы сводятся къ проблемамъ Бога, безсмертія души и свободы воли. Но послѣ такой подготовки - что можетъ онъ сказать въ о Богѣ, безсмертіи души и свободѣ. Разъ впередъ рѣшено, что Deus et libertas - есть непререкаемое допущеніе, разъ человѣкъ „убѣжденъ", что ~~философія, допускаетъ~~ ~~что~~ вмѣшательство въ жизнь вещаго существа есть конецъ всякой философіи - что можетъ философія сказать о метафизическихъ проблемахъ? Она впередъ уже рѣшила, что и Богъ и безсмертіе души и свободная воля есть чистая выдумка и фантазія (Hirngespinst und Grille) и для нея метафизика есть тоже Hirngespinst und Grille. Но спрашивается, откуда взялъ Кантъ свою увѣренность? Кого онъ спросилъ про Deus et libertas? Отчего онъ такъ боится фантастическаго? Это чудно. Для него философія была „опасной" - она

Ав и Гер. стр 274
LXVII

De servo arbitrio.

~~О свободѣ воли~~. Хотя преданіе сохранило намъ [illegible] Платона о Сократѣ: сколько тутъ лишнаго [illegible], но все П. и много правды о С. разсказалъ. По [illegible] и содержаніе [illegible] ораціи и рѣчи С. передалъ правильно. „Правильно, что С. своимъ судьямъ сказалъ, что онъ

принимает их приговор. ~~Я мысль~~ Побеждающему быть — я это допускаю, это необходимо допустить — С., по всей своей своего демона, принужден был покориться, не только внешне, но и внутренне. Из всего-же, если С. и покорился, покорился „не за страх, а за совесть", это нисколько не убавляет и не льстит покорности. За нами остается право и даже мысль быть выше покорности. Отбить Сократа С., вопреки его желанию и вопреки всему, что он говорил. Против его воли вырвать его из рук палачей. ~~Будет~~ И, если мы (или не мы, а кто-нибудь посмелее нас) вырвем его — будет ли это значить, что мы отняли у него „свободу воли"? Как будто отняли! Не спрашивая его, вопреки ему вырвали. И все же воли мы у него не отняли — наоборот вернули ему. Sapienti sat — или еще нужно „доказывать"? Если не доказано — прибавлю все учения Платона о Добре и даже Стоиков о необходимости — только к точке и цели, чтобы {вернуть отнятую „Ананкаем" (Ананке и при Платоне и при Стоиках остается у них же) ~~свободу~~ воли...} отогнать от Сократа демона, который внушал ему, что необходимости чужого покоряться не за страх, а за совесть. Аристотель говорит, правда, ἀνάγκη τι ἀνεξάλειπτον εἶναι — но разве ~~что~~ из этого следует, что он нужно покоряться „за совесть"? За страх — он принужден покориться. ~~Но~~ „Совесть" же всегда будет против него. Так что, если нам удастся отогнать от Сократа его демона, если мы (или, опять, не мы: нам такая задача не по силам), насильно вырвем его из рук палачей, мы только вернем ему свободу, которой он сам, в глубине

И „совесть", которая учит покориться, есть все тот же, только загримированный стрит.

своей души, въ той глубинѣ, до которой свѣтъ совѣсти не доходитъ и гдѣ власть всякихъ демоновъ кончается, желаетъ больше всего на свѣтѣ.

Добро зло. Въ книгѣ одного изъ самыхъ глубокихъ современныхъ философовъ мы читаемъ: „die alte ontologische Lehre, dass die Erkenntniss der Möglichkeiten der der Wirklichkeiten vorhergehen müsse, ist eine grosse Wahrheit". Точно ученіе древнее, очень древнее. Когда Аристотель утверждалъ, что ἡ ἀράχνη τε ἀνεφάνη τοῦτο ἐκ τῆς ὀντολογικῆς ἀνάγκης исходитъ изъ этой ~~великой~~ онтологической истины. Отъ своихъ великихъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ непоколебимое убѣжденіе, что есть граница возможнаго, что за этой границей стоитъ ~~неусыпная~~ бдительная ἀράχνη, которой нѣтъ дѣла до чьего другого кѣмъ дѣла, и ~~будитъ, принуждаетъ~~ не пускаетъ живого ~~часть живого человѣка~~. Παρεκτίθης ἀράχνας человѣка туда, ~~куда~~ ἕκαστος ἀκολουθεῖν τοῖς φαινομένοις, кичится ~~больше всего на свѣтѣ~~ и потомъ еще: и Гармеидъ и другіе великіе философы ~~пройти~~ гдѣ находятся софи ἀράχνας ὑφαίνεται ὑπ' ἀνάγκης τῆς φιλοσοφίας: то, что ему больше Сущность, смыслъ, и значеніе истины въ томъ, что всего на свѣтѣ нужно ей дана власть будить, принуждать живого человѣка, {открывать или закрывать ему доступъ} не справляясь съ тѣмъ, что для него важно, значительно и дорого. „Будимой истиной Гармеидъ, придумае истиной другіе великіе философы создавали ученія", создавали „мудрость" и эти выпуклыя ученія, этой навязанной мудрость прославляется Аристотелемъ, какъ важное и лучшее приобрѣтеніе человѣка. Аристотель и самъ порой тяжко вздохнулъ подъ бремемъ перв-

Nietzsche, Zeleny, 159

Лесгафт 1930 № 1 стр 187-188

Арист № 27

A I пред. § 2 ст 21
I § 1 стр 26

Met. 1015 a 30

XXVII

годности: „все насильно (навязанное) на-
зывается необходимым (τὸ γὰρ βίαιον
ἀναγκαῖον λέγεται) и потому обидно, какъ
говоритъ Эвдемъ: всякое испытанное принужде-
ніе больно и обидно!" Но, по поговорки студ-
ится-сгнобится, Аристотель, забывъ и боль
и обиду, сперва примирился, а потомъ полю-
бил и стал хвалить даже любить, чтить и прославлять
необходимость. „Χαρτεσίου, пишетъ онъ, ἀν-
αναγκαζόμενος, Пиѳагоръ и другіе великіе
философы ἀναγκαζόμενοι ὑπ' αὐτῆς τῆς ἀλήθειας.
Идея необходимости для него (а потомъ и
для всѣхъ насъ) сливается съ идеей истины.
Истина равна необходимости, необходи-
мость равна истинѣ. И святая обязан-
ность философа покорствовать необходимо-
сти, ибо черезъ покорность необходимости
и только черезъ покорность ея мы можемъ
придти къ истинѣ. Уже не больно и не обидно
покорствовать необходимости, которой ни до
кого и ни до чего нѣтъ дѣла, а радостно.
Такъ учитъ Аристотель, такъ учили и учатъ
всѣ философы вплоть до нашихъ современ-
никовъ: истина принуждаетъ, человѣкъ побе-
ждается — въ этомъ вся мудрость, въ этомъ
вся добродѣтель. Сенека еще откровеннѣе
выражалъ эту мысль Аристотеля: ipse ex-
torqet conditor mundi semel fixit, semper
ruit. Самъ творецъ и зиждитель міра
рад.

Но есть другая еще болѣе древняя мудрость

въ книгѣ книгъ она вотъ въ какихъ словахъ выражается: „если вы будете имѣть... и ничего не будетъ для васъ невозможнаго (ἀδύνατον οὐδὲν ἔσται ὑμῖν)." Горы будутъ по слову человѣка передвигаться и не будетъ для него ничего невозможнаго. Т.е. не великій Гармонидъ, ἀναγκαζόμενος ὑπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας — не Гармонидъ будетъ принуждаться истиной, а истина будетъ покорно идти за Гармонидомъ, ибо правда? У Ариса и не будетъ для человѣка тотемъ или въ книгѣ книгъ? Философія, ничего невозможнаго, которая стремится пройти къ „начаткамъ источника", ἀρχῆς πάντων" (такъ опредѣлитъ философію Гуссерль — и это тысячелѣтнее древнее опредѣленіе) — ~~куда~~ для чего должна искать она: познанія возможнаго и невозможнаго, навѣвавшаго безразличной ко всему ἀγάπη или того Гусселя „горчичнаго зерна", при которомъ всякое познаніе становится безличнымъ, ибо не будетъ ничего невозможнаго. Куда съ такимъ вопросомъ обратиться? Явно, что некуда, что всѣ инстанціи пройдены, ~~что~~ ~~выбыть~~ Стало быть? Но, вѣдь, всѣ „стало быть" тоже позади остались, вмѣстѣ съ ἀγάπη. Гдѣ нѣтъ ничего не сопутствующей ἀγάπη — тамъ и „будущіе" стало быть кончаются. Тамъ уже не говоритъ Барцеві-бы, ἀναγκαζόμενος — не Гармонидъ принуждаемый, и принуждающій, но Гармонидъ принуждающій, повелѣвающій надъ самой истиной и скрытой въ ней ἀγάπη. Тамъ, по слову, по волѣ, по капризу живого человѣка сдвигаются горы. Тамъ не только для Бога, но для васъ, для ~~всякого~~

простоте смертной нѣтъ ничего невозможнаго.

Тамъ то и прозвучало и продолжаетъ звучать ~~непостижимое~~ длящее; нашему уху ~~непостижимое~~ далее

~~нашему разуму ничего не говорящее~~, громовое и чудное, но нашему уху не слышное и ~~нашему~~ такъ раздраженна наша разумъ:

~~разуму ничего не говорящее~~: „добро зѣло".

Конец №27